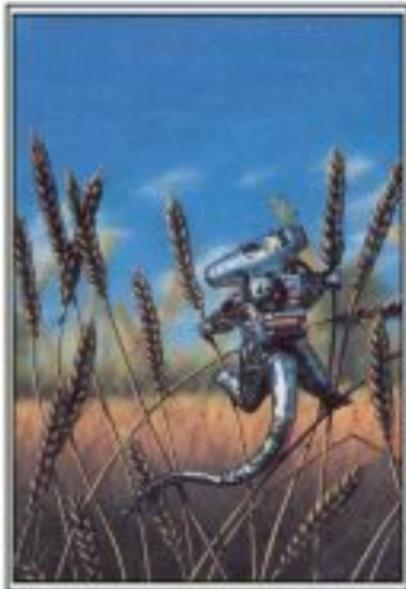

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов

Демон ростом два сантиметра

Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158212
Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Пуга; 1994
Оригинал: Isaac Asimov, "The Two-Centimeter Demon"*

*Перевод:
Михаил Борисович Левин*

Аннотация

Герой рассказа Айзека Азимова «Демон ростом два сантиметра» Джордж Кнутовичер, потомок древнего датского рода, нашел в старинном родовом замке книгу с заклинаниями и научился вызывать маленького демона, которого он назвал Азазел. Этот наглый демон и стал героем нескольких рассказов Азимова, в каждом из которых по заданию Джорджа делал какое-нибудь доброе дело приятеля Джорджа, оборачивающееся в конце концов против самого же приятеля. Так, например, его племянница Джунипер Пен была влюблена в одного из игроков команды колледжа по баскетболу Леонарда Томпсона. Джордж решил сделать ей подарок, уговорив Азазела сделать ее парня самым лучшим игроком. Т. к. демон не имел понятия об этой игре, Джордж понес его в кармане на матч, из которого Азазел сделал вывод – цель игры, забросить мяч в корзину. На следующем матче Леонард должен был показать класс. И это

случилось. Он забрасывал мяч из любых положений, только тот оказывался у него в руках, но... только в ту корзину, которая была к нему ближайшей.

Но нет худа без добра...

Айзек Азимов

Демон ростом два сантиметра

Джорджа я встретил много лет назад на одной литературной конференции. Меня тогда поразило странное выражение откровенности и простодушия на его круглом немолодом лице. Мне сразу показалось, что это именно тот человек, которого хочется попросить постеречь вещи, когда идешь купаться.

Он меня узнал по фотографиям на обложках моих книг и сразу же стал радостно рассказывать мне, как нравятся ему мои романы и рассказы, что, конечно, позволило мне составить о нем мнение как о человеке интеллигентном и с хорошим вкусом.

Мы пожали друг другу руки, и он представился:

– Джордж Кнутовичер.

– Кнутовичер, – повторил я, чтобы запомнить. – Необычная фамилия.

– Датская, – сказал он, – и весьма аристократическая. Я происхожу от Кнута, более известного как Канут, – датского короля, завоевавшего в начале одиннадцатого столетия Англию. Основатель моей фамилии был сыном Канута, но он, разумеется, был рожден не с той стороны одеяла.

– Разумеется, – пробормотал я, хотя мне не было попятно, почему это разумелось.

– Его назвали Кнутом по отцу, – продолжал Джордж. – Когда его показали королю, августейший датчанин воскликнул: «Бог и ангелы, это мой наследник?» «Не совсем, – сказала придворная дама, баюкавшая младенца. – Он ведь незаконный, поскольку его мать – та прачка, которую Ваше...» «А, – ухмыльнулся король, – в тот вечер...» И с этого момента младенца стали называть Кнутвечер. Я унаследовал это имя по прямой линии, хотя оно со временем превратилось в Кнутовичер.

Глаза Джорджа смотрели на меня с такой гипнотизирующей наивностью, которая исключала самую возможность сомнения.

Я предложил:

– Пойдемте позавтракаем? – и показал рукой в сторону роскошно отделанного ресторана, который явно был рассчитан на пухлый бумажник.

Джордж спросил:

– Вы не считаете, что это быстро несколько вульгарно выглядит? А на той стороне есть маленькая закусочная...

– Я приглашаю, – успел я добавить.

Джордж облилизал губы и произнес:

– Теперь я вижу это быстро несколько в другом свете, и оно мне кажется вполне уютным. Я согласен.

Когда подали горячее, Джордж сказал:

– У моего предка Кнутвечера был сын, которого он назвал Свайн. Хорошее датское имя.

– Да, я знаю, – сказал я. – У короля Кнута отца звали Свайн Вилобородый. Позднее это имя писали «Свен».

Джордж слегка поморщился:

– Не надо, старина, обрушивать на меня свою эрудицию. Я вполне готов признать, что и у вас есть какие-то зачатки образования.

Я устыдился.

– Извините.

Он сделал рукой жест великодушного прощения, заказал еще бокал вина и сказал:

– Свайн Кнутвечер увлекался молодыми женщинами – черта, которую от него унаследовали все Кнутовичеры, и пользовался успехом, – как и мы все, мог бы добавить я. Есть легенда, что многие женщины, расставшись с ним, покачивая головой, замечали: «Ну, он и Свин». Еще он был архимагом. – Джордж остановился и настороженно спросил: – Что значит это звание – вы знаете?

– Нет, – солгал я, пытаясь скрыть свою оскорбительную осведомленность. – Расскажите.

– Архимаг – это мастер волшебства, – сказал Джордж, что прозвучало как вздох облегчения. – Свайн изучал тайные науки и оккультные искусства. В те времена это было почтенное занятие, потому что еще не появился этот мерзкий скептицизм. Свайн хотел найти способы делать юных дам сговор-

чивыми и ласковыми, что является украшением женственности, и избегать проявлений всякого с их стороны своеволия или невоспитанности.

– А, – сказал я с сочувствием.

– Для этого ему понадобились демоны. Он научился их вызывать путем сжигания корней определенных папоротников и произнесения некоторых полузабытых заклинаний.

– И это помогло, мистер Кнutowичер?

– Просто Джордж. Разумеется, помогло. На него работали демоны целыми командами и преисподними. Дело было в том, что, как он часто сетовал, женщины тех времен были довольно тупы и ограничены, и его заявления, что он – внук короля, они встречали издевательскими замечаниями насчет природы его происхождения. Когда же в дело вступал демон, им открывалась истина, что королевская кровь – всегда королевская кровь.

Я спросил:

– И вы уверены, Джордж, что так это и было?

– Конечно, поскольку прошлым летом я нашел его книгу рецептов для вызова демонов. Она была в одном старом разрушенном английском замке, принадлежавшем когда-то нашей семье. В книге перечислялись точные названия папоротников, способы сожжения, скорость горения, заклинания, интонации их произнесения – одним словом, все. Написана эта книга на староанглийском, – точнее, англосаксонском, но так как я немного лингвист...

Тут я не смог скрыть некоторого скептицизма:

– Вы шутите?

Он взглянул на меня гордо и недоуменно:

– Почему вы так решили? Я что, хихикаю? Книга настоящая, и я сам проверил рецепты.

– И вызвали демона.

– Разумеется, – сказал он, многозначительным жестом показывая на нагрудный карман пиджака.

– Там, в кармане?

Джордж провел пальцами по карману, явно собираясь кивнуть, но вдруг нащупал что-то или отсутствие чего-то. Он полез пальцами в карман.

– Ушел, – с неудовольствием сказал Джордж. – Дематериализовался. Но винить его за это нельзя. Он тут был со мной вчера вечером, потому что ему, понимаете ли, было любопытно, что это за конференция. Я ему дал немножко виски из пипетки, и ему понравилось. Быть может, даже слишком понравилось, поскольку ему захотелось подраться с какаду в клетке над баром, и он своим писклявым голоском стал осыпать бедную птицу гнусными оскорблениями. К счастью, он заснул раньше, чем оскорбленная сторона успела отреагировать. Сегодня утром он выглядел не лучшим образом, и я думаю, он отправился домой, где бы это ни было, для поправки.

Я слегка возмутился:

– Вы мне хотите сказать, что носите демона в нагрудном

кармане?

– Ваше умение сразу схватывать суть достойно восхищения.

– И какого он размера?

– Два сантиметра.

– Что же это за демон размером в два сантиметра!

– Маленький, – сказал Джордж. – Но, как говорит старая пословица, лучше маленький демон, чем никакого.

– Зависит от того, в каком он настроении.

– Ну, Азazel – так его зовут – довольно дружелюбный демон, Я подозреваю, что его соплеменники обращаются с ним свысока, а потому он из кожи вон лезет, чтобы произвести на меня впечатление своим могуществом. Он только отказывается дать мне богатство, хотя ради старой дружбы давно уже должен был бы. Но нет, он твердит, что вся его сила должна использоваться только на благо других.

– Ну, бросьте, Джордж, Это явно не адская философия.

Джордж прижал палец к губам:

– Тише, старина. Не говорите такого вслух – Азazel обидится несусветно. Он утверждает, что его страна благословенна, достойна и крайне цивилизованна, и с благоговением упоминает правителя, имя которого не произносит, но называет Сущий-Во-Всем.

– И он в самом деле творит добро?

– Где только может. Вот, например, история с моей крестницей, Джунипер Пен...

– Джунипер Пен?

– Да. По глазам вижу, что вы хотели бы услышать об этом случае, и я вам с радостью его расскажу.

В те времена (так говорил Джордж) Джунипер Пен была большеглазой второкурсницей, юной приятной девушкой, и увлекалась баскетболом, а точнее, баскетбольной командой – там все как один были высокие и красивые парни.

А более всего из этой команды привлекал ее девичьи мечты Леандр Томпсон. Он был высокий, складный, с большими руками, которые так ловко обхватывали баскетбольный мяч или любой предмет, имевший форму и размеры баскетбольного мяча, что как-то сама собой вспоминалась Джунипер. На играх, сидя среди болельщиков, она все свои вопли адресовала ему одному.

Своими сладкими грезами Джунипер делилась со мной, потому что, как и все молодые женщины – даже те, кто не были моими крестницами, – она при виде меня испытывала тягу к откровенности. Наверное, это из-за моей манеры держать себя тепло, но с достоинством.

– О дядя Джордж, – говорила она мне, – ведь ничего нет плохого в том, что я мечтаю о будущем для нас с Леандром. Я сейчас уже вижу, как он будет самым великим баскетболистом мира, красой и гордостью профессионального спорта, с долгосрочным контрактом на огромную сумму. Я ведь не слишком многого хочу. Все, что мне надо от жизни, –

это увитый лозами трехэтажный особнячок, маленький садик до горизонта, несколько слуг – два-три взвода, не больше, и маленький гардероб с платьями на любой случай, на любой день недели, на любой сезон и...

Я был вынужден прервать ее очаровательное воркование.

– Деточка, – сказал я. – В твоих планах есть маленькая неувязка. Леандр не такой уж хороший баскетболист, и не похоже, чтобы его ждал контракт с бешеными гонорарами.

– Но это так несправедливо, – она надула губки. – Ну почему он не такой хороший игрок?

– Потому что мир так устроен. А почему бы тебе не перенести свои юные восторги на какого-нибудь по-настоящему классного игрока? Или, например, на молодого брокера с Уолл-стрит, имеющего доступ к внутренней биржевой информации?

– Честно говоря, дядя Джордж, я пыталась, но мне нравится Леандр. Бывает, что я смотрю на него и спрашиваю себя: на самом ли деле деньги так много значат?

– Тише, моя милая! – Я был шокирован. Современные девицы не имеют понятия, о чем можно, а о чем нельзя говорить вслух.

– А почему нельзя, чтобы и деньги у меня тоже были? Разве я так много прошу?

И в самом деле, разве это так много? В конце концов, у меня был свой демон. Маленький, конечно, демон, но зато с большим сердцем. Понятно, что он захочет помочь двум ис-

тинно любящим, у которых сердца бьются сильнее при мысли о том, как они сами и их капиталы сольются в экстазе. Азazel послушно явился, когда я вызвал его соответствующим заклинанием. Нет, вам я не могу его сообщить. Неужели у вас нет элементарного понятия об этике?

Да, так он послушался, но не выразил энтузиазма, на который я мог рассчитывать. Я допускаю, что вытащил его из его собственного континуума, оторвав от какого-то удовольствия вроде турецких бань, поскольку он был завернут в довольно тонкое полотенце и дрожал от холода, а голос у него казался еще выше и писклявее, чем обычно. (Я, честно говоря, не думаю, что это его настоящий голос. Скорее всего он общается со мной с помощью чего-то вроде телепатии, а в результате я слышу – или воображаю, что слышу – писклявый голос.)

– Что такое «баскетбол» – корзинный шар? Это шар в форме корзины? А если это так, то что такое, корзина?

Я попытался объяснить, но для демона он был весьма твердолоб. Я описывал ему всю игру с полной ясностью и во всех подробностях, а он смотрел на меня так, как если бы я нес бессмыслицу. Наконец он сказал:

– Увидеть эту игру можно?

– Конечно, – ответил я, – Сегодня вечером будет игра. Я пройду по билету, что дал мне Леандр, а ты – в моем кармане.

– Отлично, – сказал Азazel. – Вызови меня, когда пой-

дешь. А сейчас у меня зимжиговка, – и он исчез.

Думаю, он имел в виду турецкие бани.

Должен признать, что меня крайне раздражает, когда кто-то прерывает мои важнейшие дела, вылезая со своими мелкими трудностями, кажущимися ему неотложнее всего на свете – да, кстати, официант давно пытается привлечь ваше внимание. Полагаю, он хочет принести вам счет. Возьмите у него бумажку, и я буду рассказывать дальше.

Этим вечером я пошел на баскетбол, а в кармане у меня сидел Азazel. Он все время высовывал голову, чтобы лучше все рассмотреть, и хороший бы я имел вид, если бы кто-нибудь заметил! У него ярко-красная шкура и рожки на лбу. Хорошо еще, что он не вылезал весь, поскольку сантиметровый мускулистый хвост – наиболее замечательная часть его тела, но и наиболее неприятная на вид.

Я не очень большой тиффози баскетбола, так что я представил Азазелу самому разбираться, что происходит на площадке. У него довольно мощный интеллект, хотя скорее демонический, нежели человеческий.

После игры он мне сказал:

– Насколько я могу заключить по неуклюжим действиям этих громоздких, нелепых и абсолютно неинтересных индивидуумов там, на арене, они весьма заинтересованы в том, чтобы просунуть в обруч этот странный шар.

– Именно так, – сказал я. – Попадание в корзину приносит очки.

– Следовательно, твой протезе станет героем этой глупой игры, если будет каждый раз забрасывать шар в обруч?

– Совершенно верно.

Азazel задумчиво повертел хвостом.

– Это нетрудно. Я ему слегка подрегулирую рефлексy, улучшу оценку угла, высоты, силы... – он погрузился в недолгое сосредоточенное молчание, потом сказал: – Давай посмотрим. Я во время игры зафиксировал особенности его координации движений. Да это можно сделать. Вот, уже готово. Теперь твой Леандр будет забрасывать шар в обруч без труда.

Я был слегка заинтригован и с нетерпением ждал следующей игры. Маленькой Джунипер я не сказал ни слова, поскольку ни разу до того не использовал демоническую силу Азазела. и не был вполне уверен, что его дела стоят его слов. Ну, и еще я хотел сделать ей сюрприз. (А получилось так, что сюрприз, и крупный, пережили мы оба.)

Наконец настал день игры, и это была она – та самая игра. Наш колледж, Зубрилвильский технологический, в котором Леандр был довольно тусклой звездой не первой величины, играл с командой Исправительной школы имени Аль Капоне, и битва обещала быть эпической.

Но чтобы настолько эпической – не ожидал никто. Пятерка капонцев повела в счете, а я внимательно следил за Леандром. Первое время он никак не мог подладиться к игре и даже промахивался по мячу, пытаюсь вести его в дриблинге.

Я думаю, у него настолько изменились все рефлексy, что он поначалу не мог вообще управлять мышцами.

Но постепенно он привык к новым возможностям своего тела. Он ухватил мяч, и тот выскользнул у него из рук – но как! Описав в воздухе высокую дугу, он с центра поля опустился в обруч. Трибуны взорвались криком, а Леандр недоверчиво осмотрел свои руки, как будто пытаюсь понять, что случилось.

Но то, что случилось, случалось опять и опять. Как только мяч попадал к Леандру, он плавно взлетал в воздух, а оттуда падал точно в корзину. Все происходило так быстро, что никто не видел, как Леандр прицеливается, – казалось, что он действует без всякого усилия. А публика, считая это признаком высокого искусства, впала в неистовство.

Но потом, конечно, произошло неизбежное – игра превратилась в хаос. Зрители орали, как мартовские коты, выпускники-капопцы, покрытые шрамами, с переломанными носами, выкрикивали замечания самого уничижительного толка, а по всем углам зала вскипали кулачные бои. Что я забыл сообщить Азазелу, так это то, что казалось мне само собой понятным – а именно, что две корзины в разных концах площадки не идентичны. Одна – своя, другая – противника, и каждый игрок должен целиться в нужную корзину. А мяч из рук Леандра с равнодушием, свойственным столь неодушевленному объекту, летел всегда в ту корзину, которая была ближе. В результате Леандр много раз забивал мячи соб-

ственной команде.

И делал он это, несмотря на все вежливые указания, что давал ему с трибуны зубрилвильский тренер Вурд О'Лак, по прозвищу «папаша», когда ему удавалось сквозь пену на губах прохрипеть хоть что-то осмысленное. Горько улыбаясь, папаша Вурд вынужден был собственноручно удалить Леандра с площадки и плакал, не таясь, когда судьи оторвали его пальцы от горла Леандра, чтобы довести удаление до конца.

Друг мой, Леандр уже никогда потом не оправился от этой истории. Я полагал, что он будет искать забвения а вине и станет упорным и вдумчивым алкоголиком. Это бы я понял. Но он скатился гораздо ниже. Он занялся учебой.

Под сочувственно-презрительными взглядами своих товарищей он шатался с лекции на лекцию, прятал глаза в книгу и все глубже погружался в трясину учения.

Но Джунипер, несмотря ни на что, его не бросила. «Я ему нужна», – так она говорила, и непролитые слезы блестели в ее глазах. Жертвуя для него всем, она вышла за него замуж: сразу после их выпуска. Она держалась за него даже тогда, когда он пал так низко, что был заклеимен ученой степенью по физике.

Теперь они с Джунипер прозябают где-то в маленьком домике в Вестсайде. Он преподает физику и занимается, насколько я знаю, какими-то космогоническими исследованиями. Зарабатывает он шестьдесят тысяч в год, и те, кто знал

его вполне добропорядочным лоботрясом, шепотом передают отвратительный слух, что он – готовый кандидат на Нобелевскую премию.

Однако Джунипер никогда не жалуется и хранит верность поверженному кумиру. Ни словом, ни поступком она никогда не показала, как жалеет об утрате, но своего старого крестного ей не обмануть. Я-то знаю, как иногда вздыхает она о том увитом лозами особнячке, которого никогда уже у нее не будет, и видит перед собой крутые холмы и далекие горизонты маленького именища, так и оставшегося мечтой.

– Вот и вся история, – сказал Джордж, сгребая со стола принесенную официантом сдачу и списывая сумму с чека кредитной карты (как я полагаю, чтобы вычесть ее из суммы налога). – На вашем месте я бы оставил приличные чаевые.

Я так и сделал, скорее всего – от удивления, а Джордж: улыбнулся и пошел прочь.

О потере сдачи я не сожалел. В конце концов, Джордж получил только еду, а я – рассказ, который могу выдать за свой и, который принесет мне гораздо больше денег, чем стоил обед.

А вообще, я решил, что время от времени буду обедать с Джорджем.